

культура

В «Дом Нащокина» вселился дух Нуреева

Коммерсантъ-daily, - 1997, - 3 дек. - с. 14

В Воротниковский переулок экспозиция прибыла из парижского музея Карнавале (в Россию не смогли транспортировать лишь несколько театральных костюмов и предметов громоздкой мебели). Все экспонаты (основную их часть составляют стенды с фотографиями великого артиста) принадлежат цюрихскому Фонду Нуреева.

Говорят, в музее Карнавале были по возможности воссозданы интерьеры сногшибательного парижского жилища «бога танца»; в темном углу стоял телевизор, на экране которого чередовались кадры, запечатлевшие Рудольфа Нуреева в его легендарных ролях; золотыми нитями и стразами сумрачно поблескивали балетные костюмы, — и атмосфера театрализованных поминок заставляла содрогаться от звука собственных шагов.

В трех зальчиках московского особняка прошлого века подобного великолепия не воспроизвести. Но хозяйка галереи Наталья Рюрикова вышла из положения, покрыв стены просторного холла мозаикой гигантских цветных фотографий с изображениями интерьеров нуреевской квартиры. Привольно расположившись в вольтеровском кресле, насмешливой ухмылкой посетителей встречает сам Нуреев в роскошном парчово-шелковом халате. Фото танцовщика в человеческий рост размещено сразу напротив входа — устроители выставки прямо «с порога» старательно затушевывают мемориальность экспозиции (6 января исполнится пять лет со дня смерти великого танцовщика).

Впрочем, концепцию галеристов нельзя назвать строго продуманной. Прежде всего, они стремились избежать академической сухости — и в этом, надо признать, они преуспели. Экспозиция в раз-

думье «зависает» между творчеством и частной жизнью Нуреева — словно устроители выставки не в силах сделать окончательный выбор. Следуя лишь хронологии, фотографии на многочисленных стендах располагаются в прихотливом беспорядке, словно в неухоженном семейном альбоме.

Поразительные произведения Ричарда Аведона, Анри Картье-Брессона, Сержа Лидо — божественно прекрасные фотопортреты Нуреева, фотография стопы «гения танца» работы лорда Сноудона, сконцентрировавшая суть прекрасного и тяжелого труда танцовщика, — перемешаны с любительской и неумелой фотосъемкой, ценной уловленным мгновением, но вызывающей досаду нечеткостью, дурным кадрированием. Вот Нуреев с «отрезанной» ногой репетирует где-то на пленэре; вот чья-то спина на репетиции; вот полголовы Эрика Бруна — многолетнего любовника Нуреева, его единственной подлинной страсти; вот Эрик и Рудольф в каком-то ресторанчике, размягшие, расслабленные, утратившие премьерскую стать.

Осколки частного и «художественного» сливаются в неудобочитаемую летопись: главные герои биографии артиста перетасованы со случайными; Марго Фонтейн, Эрик Брун возникают то здесь, то там — эпизодами, а не отдельными темами. Ко всему прочему, любой посетитель выставки вынужден приобщиться к танцевальному искусству, сделав не менее полусотни балетных plie, — подписи к калейдоскопу фотографий размещены недалеко от пола.

И все же живой Нуреев возникает именно на фотографиях, на страницах выставочного буклета (опубликованные в нем фрагменты мемуаров друга танцовщика Марио Буа целомудренно-корректны и неотразимо-конкретны). Уцелев-

шие же фрагменты материального с неизбежностью ввергают в мемориальную печаль. Лишенные человеческой плоти роскошные балетные колеты к «Раймонде», «Дон Кихоту», «Лебединому», «Ромео и Джульетте» (всего семь танцевальных костюмов — кружева, драгоценные ткани, стразы, вышивки), скорлупками былой жизни осели на манекенах. Обломками разрушенной империи смотрят уцелевшие после многочисленных распродаж глыбы массивной мебели красного дерева начала прошлого столетия. Тоскливо сникают остатки великолепной коллекции костюмов — от маскарадного женского платья XVIII века, принадлежащего в свое время герцогу Франсуа Фрета, до золототканой японско-индийской экзотики. Окровавленной посмертной маской смотрит багровый кожаный ботинок от Кардена — натуралистическая копия стопы артиста — с ногтями, буграми суставов и морщинками складок кожи.

Холодную дрожь унимает вечно включенное всепроникающее видео. Английское «Лебединое озеро», сделанное Рудольфом для себя и Марго Фонтейн; французского производства сборник нуреевских ролей, постановок и интервью, объединенный названием «Свет и тень», и третий фильм, дожидаться которого так и не удалось, — лучше всех деклараций и концепций убеждают: «Король умер, да здравствует король!»

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА

Экспозиция открывается 3 декабря и будет работать в течение двух месяцев по адресу: Воротниковский пер., 12.

Марго Фонтейн и Рудольф Нуреев — идеальный дуэт XX века. Сцена из балета Фредерика Эштена «Маргарита и Арман», созданного специально для них

